

У Фань Сяня немного болела голова, и тёплые мягкие руки потянулись к нему и нежно помассировали виски. Он чуть вздрогнул, но всё же не открыл глаза, а спросил:

— Где я?

Возможно, из-за того, что он выпил слишком много, его голос прозвучал немного хрипло. Тут он почувствовал, что одна из рук отстранилась от его лба, и через мгновение к его рту осторожно поднесли чашку. Он сделал глоток, понял, что это медовая вода такой насыщенности, которая лучше всего подходит для облегчения похмелья, и невольно улыбнулся.

Он считал, что Хайтан не станет травить его, ведь в этом нет для неё никакой пользы. Как раз когда он подумал об этом, то внезапно ощутил лёгкий аромат человеческого тела. Он был невероятно утончённым, однако от него забило сердце, а от низа живота поднялась жаркая волна, немедленно приведя в смятение разум.

Потом источник аромата оказался рядом, мягко прикоснувшись к его затылку, и от близости соблазнительного тела огонь в сердце Фань Сяня разгорелся просто невыносимо.

Вдруг Фань Сянь открыл глаза. В его взгляде среди спокойствия читалось неотвязное страстное желание. Увидев белые, словно нефрит, запястья и светло-зелёные рукава, он спросил:

— Лили?

Сы Лили развернулась и, словно обмякнув, упала в его объятия, глядя на него с огромной нежностью, с капелькой предвкушения и капелькой обиды.

За время пути на север только эту тонкую, как бумага, грань они ещё не перешли. Учувя это знакомое женское тело, Фань Сянь почувствовал себя словно во сне. Приехав в столицу, он лишь изредка видел её в храме и уже решил не общаться с ней слишком часто, как мужчина с женщиной, но сейчас словно полированная яшма снова упала в его объятия — так ощущалось это постоянное знакомое мягкое прикосновение к его груди и животу.

Только что он пил с Хайтан, а теперь целуется с Сы Лили.

Конечно, Фань Сянь сообразил, что происходит, но кое-чего просто не мог понять — не то чтобы сам не понимал, просто мир менялся так быстро.

В начале лета в столице Ци без ветра душно, а без дождя пыльно: сложно назвать это время года приятным. К счастью, уже стемнело и поднялся лёгкий ночной ветерок, спасая постройки вокруг этого небольшого храма от дневной жары. Редкие ветки свисали над крышей и карнизами храма, и огромная круглая луна ярко выделялась на фоне ночного неба, далёкого, но на вид очень близкого.

Фань Сянь завязал пояс штанов, словно тайный развратник, и выбежал наружу, его изящное лицо отражало полное недоверие и смятение.

Подойдя к воротам храма, он внезапно оглянулся, увидел женщину, сидящую на крыше храма в свете полной луны, и выругался:

— Ты такая же чокнутая, как и твой учитель!

Фань Сянь всегда любил притворяться застенчивым, милым, наивным и даже честным и добрым, хотя никто в это не верил... Но сегодня, попав в такую нелепую ситуацию, он был потрясён и разгневан, и оттого ругался вслух.

Хайтан сидела на крыше, словно нянька, приглядывающая за влюблёнными детишками. Цветастый платок был завязан у неё не на голове, а на шее, отчего она походила на военачальника из какого-то другого мира. Казалось, она не ожидала, что Фань Сянь очнётся так скоро. Её лицо отражало удивление, но в глазах мелькнула лёгкая смущённая улыбка, и чуть погодя она тихо сказала:

— Так быстро.

Фань Сянь, разозлившись, тут же остолбенел: что она за женщина такая?

Хайтан, казалось, сразу всё поняла, с укором постучала себя по голове и сказала:

— Как я могла забыть, что ты ученик Фэй Цзе? Знала бы заранее, увеличила бы дозу, которую дала тебе.

Лунный свет чуть дрогнул, редкие ветки слегка колыхнулись, а Хайтан слетела вниз, не подняв ни пылинки, и невесомо приземлилась рядом с Фань Сянем. С улыбкой она оглянулась на внутренние покои, распахнула ворота храма и жестом позвала Фань Сянь за собой наружу.

За стеной было совершенно темно, из дальнего пруда то и дело доносилось кваканье лягушек: такая атмосфера крестьянского дома. Фань Сянь же был в дурном настроении и холодно спросил:

— Что ты мне дала?

— Афродизиак, — призналась Хайтан, словно так и надо было. — Лучший во дворце.

— Ты... — Фань Сянь выставил указательный палец Хайтан в переносицу, которая казалась прямее, чем у других женщин, и провоцировала желание сломать её. — Я посол государства Цин, а она скоро станет женщиной вашего императора. Как ты посмела!

Лицо Хайтан сразу же похолодело, и она сказала:

— Господин Фань, почему, когда вы дали мне афродизиак у переправы У, вы не считали, что недостаточно смелы?

— Тогда мы были врагами, но сейчас мы друзья, как же можно так? — казалось, Фань Сянь сразу подрастерял уверенность.

Хайтан легко улыбнулась:

— Что вы там сказали, когда мы были во дворце?

Во дворце, долгое время назад.

— В противоядии, которое вы дали в прошлый раз, было слишком много мандариновой кожуры, на вкус горчило. — Барышню Хайтан разморило на солнце.

Фань Сянь улыбнулся, поняв, что она уже разглядела уловку, которую он применил в тот день, и тихо сказал:

— Я кандидат на пост главы Контрольной палаты, а не просветлённый, который ищет путь на небеса. Обманывать для меня обычное дело, барышня, не обижайтесь. Конечно, если вы действительно обиделись, вы можете дать мне... то же средство.

Эти слова были довольно наглыми, но Хайтан не была такой застенчивой, чтобы краснеть, как обычные женщины, и спокойно сказала:

— Если будет такая возможность, я ей воспользуюсь.

Если будет такая возможность, я ей воспользуюсь. Если будет такая возможность, я обязательно ей воспользуюсь!

Фань Сянь с его потрясающей памятью, конечно, чётко запомнил эти слова, но не ожидал, что противник, будучи женщиной, действительно исполнит их. Он непроизвольно застонал, не в силах излить свой гнев: когда травишь наркотиками других, то сам напрашиваешься, чтобы это средство дали тебе. Казалось, ему действительно нечего было сказать, так что... Фань Сянь поднял голову, взглянув на яркую луну, и с досадой опустил её.

— Я тоже не просветлённая, я всего лишь злопамятная маленькая женщина, — Хайтан захихикала, что выглядело вполне по-женски.

— Это не должна была быть Сы Лили, ты её сестра. — Фань Сянь холодно посмотрел на Хайтан.
— Ты знаешь, что это значит.

— Ты нравишься Лили, — сказала Хайтан с улыбкой. — Тебе она тоже не противна. Поэтому мы с ней подумали, что так можно. — На самом деле Хайтан ещё сильнее утвердилась в этом мнении, узнав, что Фань Сянь и есть господин Цао, который написал «Историю камня».

Фань Сянь внезапно замолчал, неизвестно, о чём думая, но через какое-то время он взглянул на Хайтан и спросил:

— Вообще-то... раз это вы дали мне афродизиак, то, хотя вы... не то чтобы красавица, я всё же кое-как бы справился, невзирая на внешность. Зачем было втягивать в это барышню Сы?

Какой бы свободной и непринуждённой ни была Хайтан, как бы свободно она себя ни вела, она была всё же лишь молодой женщиной и невольно разъярилась при этих словах. Она устремила злобный взгляд своих ясных глаз на Фань Сяня, словно встреченная ночью в степи волчица.

Фань Сянь гневно выдохнул, но затем сразу же овладел собой, прищурился и сказал:

— Ну, я пошёл. Смотрите, как бы ваш учитель не задал вам трёпку.

Хайтан глубоко вздохнула, подавила свои душевные порывы и спокойно поклонилась со словами:

— Надеюсь, вы простите меня за этот замысел, господин.

Фань Сянь ответил без выражения на лице:

— Можете ещё несколько раз позамышлять, ни один мужчина не откажется от такого внезапного успеха у женщин. Однако лучше воздержитесь.

Хайтан больше не злилась и просто тихо сказала:

— Послезавтра во дворце будет пир, и могут начаться столкновения. Будьте готовы, господин.

— После пира я отправляюсь домой, — Фань Сянь уставился на простоватое лицо Хайтан, к удивлению, отразившее непростые чувства. — Я не могу оставаться в столице, потому что у меня срочные дела дома. Устройте мне ещё одну встречу с барышней Сы.

Хайтан чуть поклонилась и молча кивнула, а затем наблюдала, как как фигура Фань Сяня постепенно исчезает в темноте. Проходя по меже, Фань Сянь слегка запнулся и чуть не упал. Возможно, это было от беспокойства, но потом он сунул руки себе под одежду, пощупал и понял, что пояс его штанов так и не завязан.

В самую позорную ситуацию в жизни гений поэзии, будущий могущественный сановник, попал внутри и снаружи самого захолустного храма в столице.

Хайтан рассмеялась, её ясные глаза светились довольством — неизвестно, почему она была так счастлива.

Когда Фань Сянь вернулся в посольство, его взгляд был спокоен, в нём не заметно было ни чувства унижения, ни гнева, который он проявил раньше. В жизни трудно избежать чужих заговоров, если только ты не совершенный мудрец, строящий безупречные планы и чрезвычайно ясно прозревающий людские настроения.

Он не ожидал, что у Хайтан есть столь дерзкая сторона, и не думал, что она примется за дело с такой смелостью и решительностью. Её тяга к азарту оказалась не намного меньше, чем у него самого.

— Всего четыре?

Он уже вымылся и сидел, полуоткинувшись в кресле, но всё ещё чувствовал отголоски лёгкого аромата на себе. Он не мог не думать об этой девушке, в душе ощущая некое двуличие. Пусть он и был человеком хладнокровным, всё равно, невольно сощурившись, начал просчитывать, как это отразится на ней.

Хайтан, возможно, говорит правду, но что с того?

Янь Бинъюнь взглянул на него, нахмурившись: начальник и официальный глава дипломатической миссии незаметно исчез на целый день, как раз когда посольство собиралось покинуть государство Ци, и по многим вопросам невозможно было спросить его указаний. Хотя после полудня подтвердились сведения, что тот выпивал с барышней Хайтан, которая редко появлялась на людях, но куда он пошёл после? Почему господин Фань сегодня выглядит немного странно?

— Да, за четыре года во дворец вошли только четыре наложницы, — ответил Янь Бинъюнь. — Император Северной Ци с детства практиковал путь единства природы и человека и, судя по его политической манере, может считаться мудрым правителем. Но человек с великими устремлениями, естественно, не будет особо интересоваться отношениями с противоположным полом.

— У императора Северной Ци, видимо, ещё нет наследников? — прикрыв глаза, спросил Фань Сянь.

— Император ещё молод, и во дворце пока не беспокоятся по этому поводу.

— Не беспокоятся? Ну и хватит об этом. Пойди и прикажи Ван Циняню организовать поездку во дворец послезавтра и все дела, связанные с возвращением. — Фань Сянь мысленно застонал и махнул рукой, отпуская Янь Бинъюня.

Тот взглянул на него в некотором недоумении, понимая, что многие секреты господин преемник не раскрыл. Верно, хотя Фань Сянь и был преемником главы Контрольной палаты, многие сведения он не мог сообщить никому.

Например, о том, что произошло сегодня вечером, или, например... о том, что император Северной Ци, возможно, в постели предпочитает быть снизу. Между пальцами у Фань Сяня всё ещё немного чувствовалось онемение, и только тогда он понял, что действительно не такой храбрый, как Хайтан.

Главные ворота дворцового города медленно открылись, и перед толпой снова предстал прекрасный дворец с летящими чёрными карнизами, скрытый среди зелёных гор и соседствующий с водопадом. Фань Сянь отстранённо наблюдал, как незнакомые чиновники Северной Ци спокойно и сосредоточенно входят во дворец. Он поприветствовал знакомых с Вэй Хуа чиновников Приказа придворного этикета, а затем евнух чрезвычайно вежливо пригласил его в главный зал.

В главном зале было тихо, в прозрачном бассейне рядом с центральным проходом не было даже ряби, а в воде свободно плавали рыбки.

Вдовствующая императрица и император сидели высоко на возвышении, а ниже были расставлены с десяток столов. Все сидевшие за ними были могущественными и высокопоставленными сановниками Северной Ци, простые чиновники имели право пировать только в боковом зале. Будучи посланником Южной Цин, Фань Сянь сидел на почётном месте за первым столом слева. Помимо Гао Да, который лишился своего длинного меча и твёрдо стоял у него за спиной, из всего посольства рядом с ним сидели только Линь Вэнь и Линь Цзин.

Напротив посланника сидели тайфу* и премьер-министр Северной Ци. Фань Сянь взглянул на

наставника и понял, что это и есть самый известный ученик Чжуан Моханя: к удивлению, тот оказался не так уж стар.

После целого ряда ритуалов, наконец, начался пир. На самом деле вдовствующая императрица Северной Ци была довольно молода, и хотя вокруг уголков её глаз появились морщины, она всё ещё выглядела привлекательной благородной дамой.

Но после случившегося с Сяо Энем Фань Сянь понимал, что эта женщина на самом деле чрезвычайно жестока и коварна. Подумав о Сяо Эне, он неосознанно повернул голову: Шаншань Ху сидел через один стол от него. К сожалению, когда он входил в зал, у него не было возможности ясно разглядеть этого выдающегося генерала Северной Ци.

Вдовствующая императрица подняла чарку вина и что-то сказала очень-очень тихо. Фань Сянь не собирался вслушиваться, он просто раз за разом кланялся вместе с остальными придворными и твердил поздравительные речи.

Расходы на поздравление вдовствующей императрицы, естественно, не сопоставимы с теми, что бывают у обычных людей. Придворным Северной Ци так и хотелось бы выгрести дочиста все драгоценности мира и доставить их во дворец: яшму Зелёного дракона с горы Дуншань, искусно сделанные часы из города Восточных варваров, редкостного двуххвостого хорька, родившегося в северных снегах...

Вдовствующая императрица слегка кивала и казалась вполне довольной.

Подарки от посольства Южной Цин уже доставили. Хотя они были ценными, в них не было ничего удивительного. Естественно, Фань Сянь не стал бы на самом деле сочинять ещё одну песню «Фея девяти небес спускается в мир смертных» и отправлять её вдовствующей императрице, иначе он опозорился бы сам ещё прежде, чем опозорил бы её. К тому же почерк его и правда никуда не годился.

От себя лично он преподнёс маленькую бутылочку с прозрачной жидкостью янтарного цвета. Она выглядела обыкновенно, но после того, как вдовствующая императрица открыла пробку и слегка понюхала, в её взгляде, обращённом на Фань Сяня, было что-то ненормальное — любовь и восхищение.

Да, это были совершенно безыскусные духи, внутренняя сокровищница перестала производить их пятнадцать лет назад. Фань Сянь забрал их из Дома Цинъюй и изначально планировал охмурять ими Хайтан.

Он просто не ожидал, что Хайтан на это не купится, не ожидал, что Хайтан не окажется такой уж красоткой. Когда Фань Сянь в столице заготовил стихотворение Ли Цинчжао и французские духи, он, естественно, не представлял, что не сможет одолеть Хайтан в области личных отношений. Вместо этого соперница чуть было не нагнула его.

Почтительно поблагодарив вдовствующую императрицу, Фань Сянь слегка поднял глаза и взглянул на императора. Неожиданно он обнаружил, что юный сын Неба тоже с улыбкой смотрит на него. В его душе уже была некая предвзятость, и, заметив заинтересованный взгляд императора, он невольно пришёл в замешательство.

* тайфу – императорский наставник по вопросам культуры.

<http://tl.rulate.ru/book/96718/4027946>